

Евгений РОСТОВЦЕВ,
кандидат исторических наук

УКРАШЕНИЕ И РАЗДРАЖЕНИЕ ИМПЕРИИ

«Великие реформы» и «университетский вопрос»*

Эпоху «великих реформ» принято считать переломной для становления системы нового университетского образования в России. Российские университеты (в особенности Московский и Петербургский) становятся значимыми и признаваемыми центрами российской и мировой науки, а профессора и преподаватели обретают в обществе новый, более высокий социальный статус. В то же время именно в эпоху «великих реформ» российские университеты становятся не только центрами либеральной и радикальной оппозиции самодержавию, формирования «протестной» идеологии и поставщиком молодёжи в революционные организации, но и собственно местом их становления.

Интересно, между тем, что именно в этот период (конец 1850-х–1870-е годы) университетское образование становится престижным и привлекательным для национальной элиты. Количество студентов увеличилось в 2,3 раза (с 3500 до 8200 человек), из них абсолютное большинство принадлежало как раз к привилегированным сословиям. Попробуем разобраться, в чём в действительности причина той двойственной роли («украшения» и «раздражения» власти), которую играли университеты в эпоху Александра II.

НА ПОРОГЕ РЕФОРМ

В середине 1850-х российские университеты постепенно оправлялись от последствий университетской реформы 1849–1850 годов, которая лишила высшую школу основных начал автономии и, правда, неудачно, но пыталась установить контроль и за преподаванием. Это вылилось в искусственное ограничение числа студентов (не более 300 на университет), что, разумеется, ограничивало не только научную, но и социальную роль университетов. Пагубность этого «полицейского курса» была столь очевидна, что ещё до смерти Николая I, после вступления в 1853-м на министерский пост Авраама Норова началось видимое смягчение политики власти в университетском вопросе.

С воцарением Александра II последовала системная «либерализация» практики правительственного управления высшей шко-

лой. Ярким маркером новой атмосферы университетской жизни стал магистерский диспут Николая Чернышевского в мае 1855 года в Петербургском университете, где диспутант успешно защитил диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности», несмотря на то, что в глазах общества и власти это было почти «революционное выступление». 24 декабря 1855 года были отменены все ограничения численности студентов в университетах.

К началу 1860-х годов российские университеты (прежде всего Московский и Петербургский) по своему «звёздному составу» впервые приблизились к уровню ведущих европейских университетов. Достаточно назвать имена Измаила Срезневского, Эмилия Ленца, Степана и Михаила Куторги, Александра Никитенко, Александра Воскресенского, Константина Кавелина, Пафнутия Чебышева, Михаила Стасюлевича, Михаила Сухомлинова, Владимира Спасовича, Дмитрия Менделеева, Сергея Соловьёва, Владимира Герье и многих других учёных. Разумеется, почувствовав «запах свободы», профессора стремились разработать новый, прогрессивный университетский устав. Эта работа одновременно шла в Петербургском, Московском, Киевском (св. Владимира) университетах. Примечательно, что власть этот процесс не просто приветствовала, а в значительной степени организовала. Так, на обсуждение совета Петербургского университета в апреле 1858 года был представлен совместный проект профессора юридического факультета Кавелина и попечителя Петербургского учебного округа князя Г. А. Щербатова, построенный на началах широкой университетской автономии¹.

Знак об окончании Императорских Российских Университетов. Москва. 1908–1917 гг.

Впервые в российской истории возникла собственно студенческая самоорганизация. Так, в Петербургском университете с 1857 года выходили «Сборники, издаваемые студентами Императорского Санкт-Петербургского университета»². Они возникли как научно-образовательный проект, однако сама практика обсуждения материалов, выборов редакторов по курсам способствовала становлению самоуправления. С 1859 года в столичном университете действовала «касса взаимопомощи», которая занималась сбором средств — в том числе организацией концертов, публичных лекций профессоров — в пользу «недостаточных» студентов. Иными словами, создавалась та организационная среда, которая стала основой студенческой фронды начала 1860-х.

ЖАРКИЙ 1861-й

С начала 1860 года новый министр народного просвещения Евграф Ковалевский и его ведомство начинают предпринимать решительные меры для противодействия нигилистическим и «разрушительным» идеям в студенческой среде. С 14 января 1860-го устанавливалась полицейская опека над студенчеством, усиливался контроль за ним со стороны администрации университетов.

* Статья подготовлена в рамках проекта НИР СПбГУ «Петербургский университет в истории России XIX–XX вв.: наука и политика, интеллектуальная элита и власть» (руководитель — Р. Ш. Ганелин).

Однако, как это часто бывает, «контролирующие» и «запретительные» меры привели к обратному результату — нарастающей оппозиционности студенчества. К началу 1861 года ситуация в университетах была наэлектризована: достаточно было «искры», что вспыхнуло пламя. В столичном университете роль «искры» сыграла отмена Ковалевским речи профессора Николая Костомарова «О значении критических трудов Константина Аксакова по русской истории», которая планировалась к прочтению на ежегодном университетском акте 8 февраля 1861 года. Разумеется, речь учёного, известного своими демократическими и отличными от официальной историографии взглядами, вполне могла подействовать на молодые умы «возбуждающе», но куда больший резонанс в студенческой среде вызвала её отмена.

27 февраля студенты приняли участие в похоронах бывшего соратника Костомарова, поэта Тараса Шевченко, превратившихся в политическую акцию. 1 марта очередная панихида в университете была посвящена жертвам расстрела манифестации в Варшаве. Затем последовали массовые сходки против репрессий относительно поляков — участников панихиды. Ситуация обострилась и в связи с опубликованием 4 марта манифеста об освобождении крестьян и прокламационной компанией, начатой радикалами.

В результате 24 марта министерство не нашло ничего лучшего, как временно закрыть университет и заняться подготовкой новых нормативных актов, которые оградили бы университет от смуты. 31 мая были опубликованы новые «Правила для Санкт-Петербургского университета», запрещавшие сходки, публичные лекции и концерты, отменявшие форменную одежду студентов (которая символизировала их «корпоративность»). Впрочем, «Правила» оказались «лебединой песней» министерства Ковалевского. В июне Александр II назначил новым министром народного просвещения адмирала Евфимия Путятина, в способности которого как человека военного обуздать бузвившую молодёжь император верил. И ошибся...

В июне — октябре 1861 года один за другим появились листки известного кружка «Великорусс», тесно связанного с «Колоколом» и «Современником», и другие прокламации — например, известная листовка «К молодому поколению», составленная Н. В. Шелгуновым и М. Л. Михайловым, отпечатанная А. И. Герценом в «Вольной типографии» и распространённая в сентябре 1861 года в России. Реальным адресатом этих и других прокламаций, призывавших к свержению самодержавия, был отнюдь не угнетаемый «народ», а интеллигентная молодёжь. Нигилистические лозунги легко захватили студенческие массы, недовольные ограничением их прежних «свобод».

Волнения охватили все пять тогдашних российских университетов и прежде всего Петербургский, Московский и Казанский. Однако центром, несомненно, оставалась северная столица. Из-за студенческих протестов занятия в здешнем университете закончились практически сразу после начала семестра. Беспрецедентное событие произошло в Петербурге 25 сентября 1861 года — шествие студентов по Невскому проспекту к Колокольной улице, к квартире попечителя Петербургского учебного округа Г. И. Филиппсона. Оно завершилось фактическим пленением высокопоставленного чиновника, который был вынужден пообещать захватчикам-«депутатам», что их требования будут рассмотрены.

Той же ночью «депутатов» арестовали, что вызвало всеобщее возмущение (ведь им обещали неприкосновенность). Неудивительно, что в сходках, состоявшихся на университетском дворе и на набережной Невы 27 сентября, участвовало более 600 студентов (почти половина от их общего числа). В последующие дни столкновения с полицией продолжились с ещё большим ожесточением, с публичным сожжением выданных матрикулов; к студентам примыкало всё больше посторонней публики, главным образом молодёжь, в том числе армейские офицеры.

С конца сентября волнения охватили и Московский университет. В октябре 1861-го Елена Штакеншнейдер, дочь известного архитектора, отмечала в своем дневнике, что у власти развилась «студентобоязнь»: «Правительство явно теряло голову, ловило голову, думая словить заговор. Общество приходило в восторг, бранило правительство, говорило много о просыпающейся жизни, о шаге вперёд...»³.

Действительно, вдруг оказалась, что, кроме полиции, власти опереться практически не на кого. Что касается преподавательской корпорации, то она, во главе с и. о. ректора славистом И. И. Срезневским, хоть и выглядела растерянной, но в целом также не стеснялась выражать симпатии к студентам. 30 сентября университетский Совет ходатайствовал об облегчении участи арестованных, а 8 октября на его заседании уже звучали «мнения профессоров К. Д. Кавелина, И. Е. Андреевского, П. А. Плетнёва о том, что нормализация академической жизни в Университете возможна только при упразднении в нём полицейских порядков». 11 октября император, находившийся в Крыму и обеспокоенный ситуацией, лично по телеграфу дал указание о возобновлении занятий. Между тем, Путятин заручился поддержкой Александра II в том, чтобы «в случае новых беспорядков университет закрыть окончательно».

Однако это решение только обострило ситуацию — 12 октября состоялись новые массовые сходки в Петербурге и в Москве,

столкновения с полицией и аресты. Монарх срочно возвратился в Петербург, отстранил от должности генерал-губернатора П. Н. Игнатьева, большая часть арестованных студентов была освобождена. Но успокоение не наступило. В новую масштабную демонстрацию вылились похороны одного из вождей нигилистов, Николая Добролюбова, скончавшегося в середине ноября 1861 года. В знак протеста против полицейских репрессий в отставку ушли профессор К. Д. Кавелин, М. М. Стасюлевич, А. Н. Пыпин, В. Д. Спасович, Б. И. Утин, которые впоследствии пытались организовать «вольный университет»⁴.

20 декабря столичный университет был официально закрыт впредь до пересмотра университетского устава, а 25 декабря император заменил министра народного просвещения — им стал один из наиболее видных представителей «либеральной бюрократии» Александр Головин. По указу царя в декабре 1861 года началась работа комиссии Е. Ф. фон Бранке по разработке нового университетского устава.

Разработка нового устава проходила в жарких дискуссиях, основными участниками которых были советы и профессора российских университетов. При покровительстве Головина профессорам удалось выработать устав, чётко закреплявший начала корпоративной автономии. По существу, все кадровые, научные и образовательные решения, согласно новому уставу, находились в компетенции университетского совета. Изданные сразу после принятия устава «Правила» различались для разных университетов лишь в деталях. Их базовой установкой было положение о том, что «студенты считаются *отдельными посетителями университета* (курсив мой. — Е. Р.), а потому не допускается никакое действие их, носящее характер корпоративный». На этом основании запрещалась «подача адресов», «присылка так называемых депутатов», «выставление от имени студентов каких-либо было объявлений», «выражение одобрения или порицания на лекциях», в университете не допускались «сборища и сходки», концерты, театральные представления, студенческие библиотеки или читальни, вспомогательные и ссудные кассы⁵. Нарушившие правила студенты подлежали университетскому суду, избираемому профессорами.

«ХРАМ НАУКИ» И ЕГО «ОТДЕЛЬНЫЕ ПОСЕТИТЕЛИ»

Устав 1863 года, отдав университеты «в руки профессоров», создал условия для развития не только университетской науки, но и университетской корпоративности. В первую очередь, это научные общества и их издания, без которых немыслимо представить себе развитие российской науки второй поло-

вины XIX — начала XX века. Достаточно назвать Московское математическое общество (1864), Московское юридическое общество (1865) Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей и Химическое общество при Санкт-Петербургском университете (1868), Физическое общество при Санкт-Петербургском университете (1872), Киевское общество Нестора Летописца (1873) и другие. Очевидно, что по уровню и количеству научной продукции российские университеты 1860-х — первой половины 1880-х оставили позади Императорскую Академию наук. Именно тогда сформировались те научные школы, от которых ведёт свою историю современная российская наука.

Между тем студенческий вопрос на протяжении всего царствования Александра II оставался нерешённым. Русская интеллигентная молодёжь стала основным поставщиком кадров для народнических организаций.

После покушения на императора студента Московского университета Дмитрия Каракозова, состоявшегося 4 апреля 1866 года, и разоблачения «ишутинского кружка» Александр II отправил в отставку Головнина и назначил новым министром графа Дмитрия Андреевича Толстого. 26 мая 1867 года были изданы новые, ещё более жесткие правила, устанавливавшие за студенчеством двойной контроль со стороны университетского начальства и полиции.

Однако эти правительственные меры, в свою очередь, были использованы радикалами для организации беспорядков, которые вспыхнули почти во всех высших учебных заведениях уже в 1869 году. Летом 1871 года образовалось «Большое общество пропаганды», известное по имени одного из лидеров — студента Петербургского университета Николая Чайковского. Если с крестьянским бунтом у радикалов не получилось, то молодёжь оказалась более податлива.

Толчком к началу массового студенческого движения 1878–1880 годов послужили демонстрации, состоявшиеся после объявления оправдательного приговора Вере Засулич, покушавшейся на генерала Фёдора Трепова. Радикалам весьма удачно удалось возглавить студенческое движение, объединив гуманистические требования, связанные с прекращением полицейских преследований народолюбцев, с требованиями «студенческой автономии» (свободной организации студенческих сходок, кассы взаимопомощи, корпоративных организаций и вообще своих «прав человека») и пересмотра в этом смысле устава 1863 года. Студенческие прокламации отличались крайним максимализмом: «Одно из двух: или допустить образование и давать учащимся права, приличные людям высшего образования,

или вовсе закрыть все учебные заведения»⁶. В ответ в сентябре 1879-го были введены в действие чрезвычайные «Временные правила для студентов», которые регламентировали поведение студентов не только в стенах университетов, но и вне их.

Как видим, правительственные репрессии вызвали обратный эффект, ведя к углублению пропасти между властью и обществом. Молодёжь, которая массово исключалась из высшей школы и высылалась из столиц, несла пропаганду революционных, народнических идей в провинцию. В итоге правительство распространяло революцию «за казённый счёт». Невозможность в рамках устава 1863 года организации легальных студенческих организаций создавала благоприятную почву для революционных организаций, лидеры которых могли направлять активность молодёжи в нужное русло.

КОНЕЦ «КОНСТИТУЦИОННОГО РЕЖИМА В САМОДЕРЖАВНОМ ГОСУДАРСТВЕ»

Однако мечты Дмитрия Толстого, связанные с пересмотром норм устава 1863 года, мечтами так и остались. Причиной стал новый курс верховной власти, осуществлявшийся во время «диктатуры сердца» Михаила Лорис-Меликова. Отставка Толстого и его замена на «либерала» Андрея Сабурова произошли в апреле 1880 года. Новый министр не стал медлить с помилованием ряда сосланных студентов, возвращением их в университеты, а также с проектом о предоставлении студентам ограниченных корпоративных прав.

Впервые правительство попыталось не просто контролировать студенчество, но и попытаться побороться за его симпатии с революционными элементами, которые также не дремали. В Петербургском университете при содействии «Народной воли» в 1880-м был создан «Центральный кружок студентов Петербургского университета», активно ведший нелегальную революционную работу⁷.

Решающие события развернулись 8 февраля 1881 года на очередном торжественном акте, посвящённом основанию университета. Годовой отчёт университета читал в присутствии 4 тысяч преподавателей и студентов либеральный профессор А. Д. Градовский, известный юрист и историк. В президиуме,

кроме ректора, сидел министр Сабуров. После прочтения отчёта студент Лев Коган-Бернштейн произнес речь, подготовленную Андреем Желябовым, клеймившую политику правительства, а студент Папий Подбельский неожиданно нанёс Сабурову оскорбление действием. По свидетельству очевидца, «вся зала моментально превратилась в крутящийся вихрь: крик, рёв, смятение; студенты вскакивали на стулья, кричали, размахивали руками; тот, кто в красной рубахе, вспрыгнул на подоконник и оттуда ревел: «долой Сабурова»... Ему в ответ кто-то вопил «Подлецы, мерзавцы, позор...!»⁸

В общем, скандал получился на славу. Надзиратели кинулись за зачинщиками, но «солидарные» студенты «оттеснили» их. Народолюбцы знали, что делали, играя на студенческой солидарности. В то же время вряд ли они ожидали столь существенного отпора со стороны вменяемой молодёжи. После акта, по воспоминаниям другого участника событий, «все «благочестивые» студенты выстроились в два ряда в коридоре, и когда министр с ректором и профессорами проходили мимо них, они сопровождали его аплодисментами и приветственными криками... Странная была демонстрация и странно, должно быть, чувствовал объект её министр народного просвещения»⁹. На следующий день обиженные народолюбцы опубликовали очередную прокламацию, где обвиняли «начальство» в расколе студенческого движения.

Точку в либеральной политике поставил 1 марта 1881 года взрыв студентом столичного Технологического института Игнатием Гриневицким бомбы, оказавшейся смертельным и для самого студента, и для императора. Неслучайно, что отставка Сабурова оказалась первой в череде отставок «либеральных бюрократов», которую принял Александр III. Идеолог будущих контрреформ Михаил Катков не преминул обрушиться с критикой на островки «конституционного режима в самодержавном государстве»¹⁰. Планы ограничения «университетской автономии» были реализованы в новом уставе 1884 года, который, впрочем, только усложнил обстановку, поскольку рядом с оппозиционным студенчеством отныне встали профессорские коллегии, начавшие бескомпромиссную борьбу с властью за возвращение «автономии».

г. Санкт-Петербург

Примечания

1. См.: Томсинов В. А. Подготовка и проведение университетской реформы 1863 г. // Университетская реформа 1863 года в России. М. 2012. С. LXVIII–LXIX.
2. Сборник, издаваемый студентами Императорского Санкт-Петербургского университета. Вып. 1. СПб. 1857; Вып. 2. СПб. 1860; Вып. 3. СПб. 1866.
3. Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки. М. 1934. С. 298.

4. См., напр.: 275 лет. Санкт-Петербургский университет. Летопись. 1724–1999. СПб. 1999. С. 110–111.

5. Правила для студентов Санкт-Петербургского университета 1863 // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т. 3. СПб. 1876. Стлб. 871–876.

6. Цит. по: Щетинина Г. И. Студенчество // Россия в революционной ситуации на рубеже

1870–1880-х гг. М. 1983. С. 327.

7. История Ленинградского университета. Очерки. 1819–1969. Л. 1969. С. 84. Ср.: Волк С. С. Народная воля. М.; Л. 1966. С. 340–342.

8. Цит. по: Щетинина Г. И. Студенчество и революционное движение в России. Последняя четверть XIX в. М. 1987. С. 69.

9. Там же.

10. Московские ведомости. 1882. 9 августа.